

Фронтовые рассказы отца

Отец был маленьким винтиком во всеобщей жестокой мясорубке Великой Отечественной войны (ВОВ). Будучи малограмотным (с трудом мог писать), но сообразительным человеком, к тому же «пообтёршимся» в среде рабочего класса на Черёмушкинском кирпичном заводе, он стал сержантом и командиром миномётного расчёта. Он многое рассказывал о войне, надо бы записывать. Но сначала я был маленьким, потом было некогда, а теперь уж давно нет рассказчика... Из памяти удастся извлечь только отдельные эпизоды его рассказов.

Сразу после призыва в действующую армию он попал в 673-ю миномётную часть. Через полгода в справке о ранении он назван сержантом 1323 стрелкового полка, в справке о втором ранении его часть названа 673 артиллерийским полком. Удалось выяснить, что 673 арт. полк входил в 219 стрелковую дивизию, а 1323 стрелковый полк — в 415 стрелковую дивизию. Обе дивизии в 1942–1943 годах действовали на печально известном Ржевско-Вяземском выступе (рис. 10) и в районе Великих Лук, хотя из-за их большой подвижности не всё удалось прояснить. Но это в общих чертах согласуется с рассказами отца.

Контрнаступление наших войск под Москвой, начатое в декабре 1941 г., перетекло в Ржевско-Вяземскую операцию и уткнулось в неё на целых 13 месяцев. Против наших Калининского и Западного фронтов (последним командовал Г. Жуков) воевала группа армий «Центр» вермахта. Ржевско-Вяземскую операцию историки считают позиционной бойней, когда огромные потери не приносили никакого результата.

Рис. 10. Ржевско-Вяземский выступ, в ликвидации которого участвовал отец в 1942–1943 годах.

Наши потери в этой операции оцениваются 780 тыс. человек, немецкие — 330 тыс. человек. Выступ был ликвидирован только к 31 марта 1943 г.

Отец говорил, что приходилось быть то минометчиком, то пехотинцем, то связистом, то разведчиком — как повернётся боевая обстановка. Не у всех, бежавших в атаку, была винтовка. Приказ — добыть её в бою. То есть взять у убитого, или отнять у немца. А убитый, по словам отца, ещё бежал несколько шагов перед тем, как упасть.

– Мама! — кричали от боли и страха раненные 17–18-летние защитники отечества.

– Страшное это дело, — говорил отец и замолкал.

Потом вспоминал о том, как однажды их сытно накормили гречневой кашей с салом. По полному котелку. Был зимний вечер. Наутро был тяжёлый бой. И солдат должен быть в силе. После этого отоспались в норах на 2–3 человека, вырытых в снегу на склоне оврага. Одна пола шинели под солдатом, другая — над ним. Под головой вещмешок. Надышали в такой берлоге — тепло.

Снимали нервное напряжение и согревали тело «боевые 100 грамм» водки. Особенно зимой и в изматывающих ситуациях.

Однажды миномётчики уничтожили большой хлебозавод противника, оставив немецкие войска без хлеба на несколько дней. За это миномётчики, в том числе и расчет отца, получили благодарность от какого-то большого военачальника.

Миномётчики имели свою разведку. Разведгруппа, в которой был и отец, прошла в тыл врага с задачей уточнения целей для миномётного огня и нанесения их на карту. Шли незамеченными, избегая дорог. Устали. В сумерках вышли на хутор. По всему было видно, что немцев в нем нет. Решили заночевать в одной из изб. Хозяин был радушен, но как-то смущен. Толком не мог ответить ни на один вопрос, в том числе, и на вопрос о том, где немцы. Пришлось уточнять самим — на хуторе немцев не было. Не раздеваясь, повалились спать, кто — на лавке, кто — прямо на полу, подстелив шинель. Один боец снял сапоги и стал засовывать их под лавку. Что-то мешало. Засветив фонарик, боец увидел, что это солдатская шинель. Потащил ее — под лавкой был спрятан убитый красноармеец... Все посмотрели на хозяина. Тот что-то бормотал и просил простить его. Почему не сказал, если не виноват? Почему хотел скрыть? А кругом война, немцы. Чёрное подозрение завладело разведчиками. А как проверишь? Не до следствия! У каждого в груди кипело негодование. Хозяина вывели на улицу и расстреляли. Быстро взяли свои пожитки и ушли ночевать в лес. Оставаться в хуторе было нельзя — выстрел мог привлечь немцев.

«Когда лежишь один в каком-нибудь углублении, над тобой свистят пули, а впереди фашисты, — вспоминал отец, — хочется зарыться от всего этого поглубже». Криками: «За Родину! За Сталина-а-а! Ура-а-а!» — командиры поднимали солдат в атаку. Общий гул: «А-а-а!» — подавлял в людях страх, вселял в каждого бойца ощущение того, что он не один, что их много, что они вместе... Потому, что одному — совсем страшно.

Отец многозначительно поднимал бровь, когда рассказывал об этом. Рядовые бойцы не кричали возвышенные: «За Родину! За Сталина!», а просто: «Ура-а-а!». Но Сталин для людей в окопах был символом единения, сплочённости и одоления врага, символом благополучного будущего и защищённости их семей. И ничего не знал солдат про культ личности и про репрессии, если они не коснулись его лично. Только понимал, нет — ощущал нутром, что надо (хотя, ох! как не хочется) идти вперед, в атаку. Иначе нельзя. Иначе и тебя убьют, и твою семью. А так, может, и одолеем немца. Нет, надо одолеть, мать его перемать! В рассказах отца не было никакого пафоса. Одна будничная смертельно опасная работа, когда страх быть убитым иногда брал верх над человеком и управлял его действиями.

Как ранило отца в голову, он даже не почувствовал. После одиночных выстрелов миномёта по корректировке наводчиков, замаскировавшихся где-то впереди: «Левее... правее... перелет... недолет...», наконец, видимо, попали куда надо, пришла команда:

Рис. 11. Миномётный расчёт сержанта М.Деева за работой.

«Беглый огонь!» И пошла работа. Только успевай опускать мины в ствол миномёта, отскакивать от него, открыв рот и заткнув уши. На рис. 11 приведена фотография миномётного расчёта сержанта М.Деева (нашел в интернете), который действовал именно под Ржевом, именно зимой, именно 1943 года. На снимке справа налево: командир расчёта, наводчик, заряжающий, подающий. Видно, что расчёт позировал перед фотографом — позы бойцов явно небоювые. Ну, да ладно, — они имели право на это. Подобным расчётом командовал и сержант М.Козодаев. Фрицам, видно, очень не понравился этот беглый огонь. Минут через 10 появились немецкие самолеты и давай бомбить наши позиции.

Взрыв. Всех бросило на землю. Когда поднялись, отцу сказали, что у него из-под шапки течёт кровь. Медсанбат. Пробит череп. Эвакуация в лежачем положении на маленьком самолетике, который забирал только двух раненых. В эвакогоспиталь № 2913 Московского военного округа, находившийся в Волоколамске,

отец поступил 13 февраля 1943 г. Сразу на операционный стол. Сюда к нему с большими сложностями, но смогла приехать мама, даже вместе со мной. После 8 дней лечения отец снова был направлен на фронт.

Отец упоминал о жестоких боях в направлении Великих Лук. Ожесточённые бои за Великие Луки проходили в то же время, что и Сталинградская битва. В приказе от 25.01.1943 г. Верховный Главнокомандующий назвал освобождение Великих Лук в ряду решающих событий на рубеже 1942–1943 годов. Генерал армии К.Н. Галицкий, командовавший тогда 3-ей Ударной армией, входившей в Калининский фронт и освободившей Великие Луки, писал: «Сражение в районе Великих Лук, которое иногда называют “Сталинградской битвой в миниатюре”, притянуло на себя в общей сложности до десяти дивизий противника, не позволив использовать их на других направлениях». В Великих Луках похоронен Александр Матросов (его истинное имя — Шакирьян Мухамедьянов), один из нескольких десятков, закрывших своими телами немецкие амбразуры.

Вернувшись на фронт после первого ранения, отец попал к миномётчикам-связистам. Наиболее распространённой связью в армии на расстояния в несколько километров была телефонная, однопроводная. Провод разматывался с катушки, которую нёс на спине связист. В качестве другого провода использовался грунт, земля.

Одно из заданий состояло в корректировке огня наших миномётов, ведя наблюдение из рожицы, находившейся невдалеке от скопления немецкой техники. Группа из трёх человек, в которую входил и отец, с офицером во главе, где ползком, где пригибаясь из-за интенсивного обстрела, преодолела невысокий открытый длинный холм и оказалась в кустах совсем близко от цели. Окопались. Офицер стал корректировать огонь: «Недолет 200 м... перелет...». Где-то рвутся снаряды, иногда над кустами посвистывают пули. И тут связь оборвалась. Попытки услышать принимающую корректировки сторону безрезультатны. Офицер приказывает тому, третьему бойцу восстановить связь. Боец, пропустив кабель через слабо сжатый кулак, бежит, низко пригибаясь, назад — на холм. Провод скользит у него в руке. Где-то на вершине холма солдат падает. Видимо, скручивает концы перебитого провода. Проходит одна, две, три минуты — связи нет. До бойца метров 400. Видно, что он то сядет, то ляжет. Связи нет. В голове у отца проносится мысль: «Сейчас меня пошлет». И конечно: «Козадаев! Восстановить связь!» Отец так же захватывает провод в кулак и бежит, пригнувшись, иногда припадая к земле. Подбежав к бойцу, бросается на землю и видит: у того оторваны обе ноги. К счастью, другой конец оборванного провода лежал рядом. Отец связал концы провода, сбросил с себя плащ-палатку, закатил на неё раненого и ползком потащил с холма в ложбину, где передал его санитарам. И назад. Что было дальше с раненым — неизвестно.

После второго ранения (в правую руку) отец был на поезде отправлен в эвакуационный госпиталь № 4660, располагавшийся в г. Стерлитамак Башкирской АССР. Судя по справке, в госпиталь он прибыл 3 апреля 1943 г.

Сохранилась открытка, присланная им из Стерлитамака в июле 1943 г. (рис. 12). На открытке штамп «Проверено военной цензурой». Отец писал, что он послал нам много писем, которые мы так и не получили. В условиях военного времени это неудивительно.

Рис. 12. Открытка, присланная отцом в июле 1943 г.

Письма могли задерживаться на несколько месяцев, а потом приходиться целой кучей.

В деревне был случай, когда из райвоенкомата было получено извещение о смерти. Семья погибшего горько переживала. А через 3 месяца вдруг приходит письмо от «погибшего», в котором тот бесхитростно пишет: «Я жив, здоров, чего и вам желаю». Радости не было границ — ошибка вышла в райвоенкомате. Понятное дело — война, неразбериха, а он жив! В райвоенкомате, куда обратилась семья, сверили даты отправления письма и извещения о смерти, и ... подтвердили известие о смерти. На семью горе обрушилось второй раз.

Из армии отец был «уволен по ранению» 7 августа 1943 г. Последним воинским документом отца было свидетельство № 1950 об освобождении от воинской обязанности, выданное ему после освидетельствования 13 апреля 1945 г. Ленинским райвоенкоматом Московской области (рис. 13).

Рис. 13. Свидетельство об освобождении от воинской обязанности отца.

Победа

О победе над немцами в деревне Шаболово узнали от Ю. Левитана через уже упоминавшиеся чёрные репродукторы. 9 мая 1945 года было солнечное, но прохладное утро. Я вышел на деревенскую улицу. Никого не было видно. Все, кто были в

деревне: женщины, дети, старики, да вернувшиеся с фронта инвалиды — сидели по домам. Никакого праздника, никаких торжеств... Но чувствовалось, что невероятное многолетнее напряжение спало. Для жителей деревни победа была не праздником, а тяжёлым вздохом облегчения, который часто переходил в плачь, рыдания и даже истерику, когда люди осознавали, что цена этой победы — смерти их мужей, отцов, сыновей. А погибших в деревне было много. С войны не вернулись отцы нескольких моих товарищей.

Все мои родственники (кроме маленьких детей), о которых мне хоть что-нибудь известно, участвовали в Великой Отечественной войне — или на фронте, или в тылу. Кто погиб в бою, кто умер от ран или от голода в плену, кто вернулся физическим калекой или с искалеченной психикой, кто выращивал хлеб для страны, работая за «палочки», кто готовил боеприпасы или обмундирование.

С самого начала войны утром после гимна по радио звучала великая песня «Священная война» (слова В.И. Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова):

«Вставай, страна огромная,	Пусть ярость благородная
Вставай на смертный бой	Вскипает, как волна, —
С фашистской силой тёмною,	Идет война народная,
С проклятою ордой!	Священная война!»

Песня была впервые исполнена на 8-ой день войны на Белорусском вокзале перед солдатами, отбывающими на фронт. Как только прозвучали первые аккорды, вокзал замер. Её слушали в полной тишине, стоя, и просили повторить 5 раз.

Помню, когда я мальчишкой слышал эту песню по радио во время войны, мне представлялись бесконечные колонны солдат до горизонта, которые маршируют с винтовками наперевес и вот-вот победят фашистов. Но какую великую цену нам пришлось заплатить за эту победу!

Мне несказанно повезло: мой отец был ранен, но вернулся живым. Позже мне довелось побывать в ряде стран, но никогда не хотелось посетить Германию и Берлин. Сколько горя, направляемого из Берлина, надо было принести людям, чтобы в песне Л.Утесова «Шёл старик из-за Дуная» Берлин был назван «чёрным городом»:

«В чёрном городе Берлине
Вспыхнет наш победный флаг!»

У нашей страны было только два выхода: или страшная смерть, или страшная победа. Поднялись все (рис. 14) против немецко-фашистской чумы (рис. 15).

Невероятная вещь: на почтовых конвертах, которые стали появляться в середине войны, размещались призывы к смерти, к убийству захватчиков-врагов (рис. 16)! За честь жены, за жизнь детей, за нивы и поля! И это было в высшей степени гуманно! Ибо гуманизм означает любовь к людям, а не пощаду к извергам.

Рис. 14. Наши женщины на фронте дрались не хуже мужчин.

Рис. 15. Немецкие гады на нашей земле вешают партизан.

Ценой колоссального напряжения далась нам эта победа. Сейчас принято ругать Советскую власть и за то в чём она была, и в чём не могла быть виноватой. Но никакая другая власть в тех условиях не подняла бы весь народ на бескомпромиссную борьбу. Если бы не эта власть, — не было бы страны!

Рис. 16. Почтовый конверт военного времени.

До сих пор не могу спокойно слышать лающую немецкую речь: в сознании возникают зверские сцены, в которых звучит этот язык.

Ненавижу! НЕ ЗАБУДУ! **НЕ ПРОЩУ!**
Детей, внуков и правнуков прошу: **«НЕ ЗАБУДЬТЕ!»**

Памятью об этом смертельном ужасе и людях, которые ценой своих жизней заслонили нас от него, стала Георгиевская ленточка, которая символизирует боевое мужество и храбрость в российской армии уже более 200 лет. Она использовалась как элемент военной атрибутики в ряде боевых наград, в частности, — в «Георгиевских крестах» 4-х степеней, в орденах «Славы» 3-х степеней, в медалях «За победу над Германией» (рис. 17). Последние были вручены почти 15 миллионам военнослужащих, воевавших в Великой Отечественной войне на западных фронтах, в том числе — моему отцу.

Рис. 17. Георгиевская ленточка на медали «За победу над Германией»